

The background of the cover is a painting. At the top, there is a thick, horizontal stroke of dark blue paint. Below it, the text is centered. The main illustration is a still life painting. In the center, a tall, cylindrical vase is filled with a bouquet of flowers. The vase is painted with vertical strokes of green and blue. The flowers include several light blue daisies with yellow centers, a purple iris, and a white flower. The stems and leaves are painted in various shades of green. To the left of the vase, there is a palette with several circular wells of paint in various colors: red, yellow, green, blue, and purple. The background of the painting is a mix of light and dark tones, suggesting a textured surface.

ЕЛЕНА КОСС

АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ
В СТРАНЕ ВЕЛИКАНОВ

18+

Сжатая проза

Елена Косс

**Александр Борисович
в стране великанов**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Косс Е. Б.

Александр Борисович в стране великанов / Е. Б. Косс — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Роман - социальная проза. События, описанные в романе, нереальны, но вполне правдивы...

Все совпадения имён и событий – случайны.

Конечно, хотелось бы родиться одновременно в нескольких местах, в сферическом временном потоке собственного сознания.

Глава 1

Ах, Александр Борисович!

Этого человека выкинул на солнечную поляну моего веселого внимания ко всему происходящему космос интернета. Я порывисто рванулась с криками " ура" к его рассуждениям о чужой чести, как собственно его честности, навстречу.

Судьба же, спровоцированная моей доверчивостью, распорядилась отнести это послание темноты к разряду гербария, который хранит моя судьба, где шелесту страниц предаю свою коллекцию ловких и живучих аферистов, которых, несмотря на живость ума и яркую их самобытность, я, если бы довелось мне быть физиологом, отнесла бы к разряду паразитов обыкновенных.

Кто заподозрит в многодетном отце манипулятора, когда уверенно превышающая один разряд численность детей в семье, кормящейся от социальной молочной кухни, говорит о непосредственной манере отсутствия какой-то сдержанности?

– У религиозных людей, к каковым относится моя жена, горячо шептал он мне на ухо, форму которого он, поклонник, равно как и двигатель физиогномики, предусмотрительно подглядел при первом же порыве ветра, смахнувшего прядь волос с моего лица и опрометчиво оголившего мое ухо вниманием к этому существу.

– У религиозных людей по средам запрещено заниматься сексом, ныл он мне горячей жалобой.

Получается, если бы не религия, то молочная социальная кухня целого района была бы вынуждена работать исключительно на постоянно растущую семью одного только критика.

Признаться, критик – это главное для чего закричал Александр Борисович, вырвавшись из молчания околоплодных вод, окружавших его немотой целых девять месяцев.

Конечно же, он был литературный критик. Из принадлежности к этой профессии главное, и для многих судьбоносное, это то, что литературный критик обладает беглым, неотступным и, тем самым, переходящим в нагловатость умением писать. С возрастом, а он уже был на грани выхода из детородного возраста в возраст становления космическим объектом, в силу накопления хранимых им и собираемых годами амбиций, как щупальца осьминога, чутко следящих за любым внешним движением, писательство его становилось чаще и жестче. Сходство осьминога и Александра Борисовича заканчивались исключительно на жажде жертвы, методы захвата абсолютно отличались. Если осьминог был откровенен, хоть и изворотлив, и вступал в борьбу плоти, включая в это понятие и разум, против плоти, то Александр Борисович был изворотлив настолько, что отделил давным давно плоть от разума. И жадным разумом своим, разрушая через навыки писать, окружающее пространство, включая жизни, судьбы и плоть окружающего, собственной плотью не жертвовал совершенно, а, наоборот, позволял ей то полежать на диване, то с жаждой жизни погрызть баранки, запивая их громкий хруст соци-

альным молоком с детской кухни. И, только правая рука его взмахами одному ему понятному колдовства постоянно чертила зигзаги над перепуганной и послушной бумагой, давно привыкшей к тому, что он давно уже превратил жанр литературной критики, как и чисто литературные свои порывы, в лаконичный откровенностью цели жанр «Жалобной книги».

Этот человек был практиком управляемого хаоса, предаваясь, одновременно и жизни и мечтам, он кричал, отвоевывая себе пространство везде: на ученых советах, в очередях, куда он стремился всей душой, чтобы оказаться первым, создав, буквально, в считанные минуты, ситуацию или, даже, право обслужиться вне очереди, кричал в музеях, где он работал то научным сотрудником, то сторожем, охраняя прошлое от других соискателей для своих будущих статей, кричал дома, пробираясь среди своих детей, заметно переросших его, к холодильнику, хранящему социальный сыр, каждое утро получаемый им на государственной кухне. Не дожидаясь милости ни от кого, включая природу, он поставил себе густой зловещий бас, громкость которого легко подстраивал под ситуацию ради победы вне зависимости от размеров и форм таковой, что являлось в быту, практически, апогеем вседозволенности, приводящей к истощению желудка: его ела изнутри собственная плоть, он не был способен поменять манеру поведения, даже перед зеркалом он часами критически рассматривал самого себя, придираясь и бранясь.

Глава 2

Его дом был единственный, где можно было увидеть мух зимой, огромных и черных, головокружительно жужжащих, даже несколько свысока на Александра Борисовича, увлеченного хаосом. Он развешивал липучие ленты на осветительных приборах и неосторожные множеством мухи прилипали к этим бумажкам-щупальцам хитроумного хозяина. Как и люди, доверчивые и влекомые кто любовью, кто жаждой познания, кто жалостью к многоликости его многодетности навсегда протыкались его пером, и отравленными чернилами выводились под грубыми прозвищами, отсекающими саму жизнь, на бумаге, готовности и белизне, которой не довелось порадоваться таланту.

Интернет, скрывавший почерк, дал возможность критику, привыкшему писать от имени писателя, объясняя его мысли и чувства, писать за всех, уговаривая кого-то через океан

– вот, я написал письмицо для Вас, подпишите и вышлите со своего адреса, предлагал он пикантностью, так напоминающей изюминку. Отказавшийся, как-будто сразу же ломал зуб косточкой, таившейся во всем, что шло от имени критика, и критик приходил в ночных кошмарах зубной болью.

– подпишите, подпишите, подпишите, забывая свое место вторичности, он настаивал, кричал на еще живого писателя:

– подпиши мой текст своим именем, подпиши! – плохого хочешь?!

Любви и вниманию критиков подвергались исключительно писатели, праху которых обещан был мир, создавая для остальных судьбы переполненные непризнаниями и гонениями.

Грозный Критик был властителем праха и той части почвы, где царили и жучки, и червячки поменьше.

– я подпишусь, именем входящего в историю, успею первым, и мне дадут ученый статус, густым басом гнусавил головастый опарыш, скрывавший отсутствие лица за ширмой науки с откровенным названием-«Физиогномика».

По линиям и, даже, своеобразным инженерным измерениям пропорций и целых частей чужих лиц опарышам удавалось создавать себе лицо- маску патриота.

Почему же муха, казавшаяся зрелой формой опариша, не становилась критиком?

Мешали крылья!

Муха была более шумной и более способной на чувства. К тому же, мухи не имеют глубинного и физического доступа в историю.

Глава 3

Александр Борисович собрал огромный рюкзак, полный бутылочек, пакетов и прочих доступных емкостей для их последующего плотного заполнения на молочной социальной кухне, как он это делал ежедневно, по будням. Позвонил перед самым выходом Алочке, сорокалетней деве, пошушукался, помурлыкал. Приход жены напомнил ему о долге перед растущим постоянно семейством.

Алочке, он только буркнул сухое, почти стеклянное:

– ты, только, подпиши.

Он упал, взбираясь на холм, больно стукнув копчик тяжелым рюкзаком.

Жалел ли он себя? Возможно, но он плакал, горько и безнадежно.

Звезды пустые и такие маленькие на утреннем небе, еще ночью, бывшие блестящими и пышными, наобещали ему блеска, величия и груды денег,

а вместо величия и вседозволенности, ради которых он и добивался денег, он смиренно влачился на холм, наполнившись молоком, как дойная огромная корова, где вымени была отдана вся тщедушность существа. Закружили городские вороны, которым, здесь, в огромном городе, удача заменила жизненный опыт.

Он еще какое-то время лежал на спине, придавивши рюкзак, наполненный молоком, сыром и творогом.

Ему хотелось, чтобы вокруг собрались дети, жена, сослуживцы, почитатели, обещанные звездными. Алочка подбежала бы запыхавшись, она всегда начинала часто и сбивчиво дышать в его присутствии; и чтобы все они принялись бы жалеть его и хвалить, хвалить и жалеть пока он жив и может порадоваться или, хотя бы, пожурить их за нерасторопность.

Он поднялся, и не отряхиваясь, уныло продолжил взбираться на холм:

– Плохого хочешь, думал он, мысленно обращаясь то к одному, то к другому врагу своему, объединяя в это кольцо и всех им встреченных.

– Плохого хочешь????!!!!

Ужасной силы крик потряс покои королевы. Со стола свалилась чашка тонкого фарфора и разбилась на мелкие осколки.

Такой голос мог принадлежать только великану принцу.

Не обратив внимания на саму суть прозвучавшего вопроса, королева бросилась к окну.

Во дворе медленно бродили, пощипывая травку, две белые козочки.

Придворный повар внимательно смотрел на стаю диких гусей, опрометчиво остановившуюся в королевском дворе на одну только ночь.

Пастух рассказывал пастушке сказку, которую еще его дед рассказал его бабушке.

Второй министр стоял за спиной первого министра, в то время, как первый министр сидел на скамеечке и тихонько похрапывал, пригревшись на солнышке во время обеденного перерыва.

Сразу за оградой виднелся холм. Никто не спешил к королеве навстречу по единственной дорожке королевства. Солнце поднялось над двумя яблонями дворцового сада, почти касающимися своими верхушками горячей круглой солнечной сковородки. Белоснежные цветы на верхушках деревьев превратились в яблоки, в то время, как на нижних ветках деревьев по прежнему цвели цветы. Через несколько минут на самых верхних ветках яблоки уже стали печеными, на средних яблоки только зарумянились, как щеки королевы, а внизу, по-прежнему, цвели прекрасные белые цветы.

В тот же час в сад прибежали повара и посбивали печеные яблоки с верхушки деревьев. Мальчишки оборвали румяные яблоки и запрятали их по карманам. В цветах зажужжали шмели, и горничная сломала несколько веток, чтобы украсить белым прекрасным букетом покои королевы.

Солнце близилось к закату, а королева растерянно стояла у окна. Надежда, заметно ослабевшая за несколько последних лет, оттеснила к сну тот облик молодого сильного и прекрасного принца, которого ждала прекрасная королева, грустно принимая комплименты от придворных рыцарей, которые в самые лучшие их годы не вырастали выше королевских плеч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.